

Методологические и теоретические проблемы психологии

© 1997 г. Г.А. Балл

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ЛИЧНОСТНОЙ СВОБОДЫ: СУЩНОСТЬ И СОСТАВЛЯЮЩИЕ

Показана ограниченность традиционных трактовок свободы как осознанной необходимости и как свободы выбора. Обосновывается интерпретация свободы как совокупности условий (внешних или внутренних – если речь идет о психологической свободе), способствующих гармоничному разворачиванию и проявлению разносторонних возможностей личности. Характеризуются индивидуально-психологические составляющие личностной свободы, выделяемые в соответствии с а) важнейшими направлениями активности; б) основными компонентами структуры личности. Рассматриваются также социально-психологические составляющие личностной свободы.

Ключевые слова: свобода, ответственность, социальная активность, поступок, структура личности, социокультурная норма.

Считая свободу личности одной из важнейших ценностей демократического общества, ориентиром для развития образования, построения социальной политики и т.п., мы сталкиваемся с необходимостью конкретизировать само понятие свободы, в том числе и в психологическом аспекте. Здесь четко выделяются две взаимосвязанные стороны: одна, обращенная к обществу, касается свободы, которую оно дает или должно дать индивиду; другая, обращенная к личности, касается той свободы, какой эта личность способна овладеть и воспользоваться. Известны люди, сохранившие себя как свободную личность в ужасающих условиях концлагерей и, к сожалению, несравненно большее число тех, кто даже при сравнительно благоприятных внешних условиях остается психологически несвободным и, более того, используя крылатое выражение Фромма, бежит от свободы [47]. Именно психологическая, внутренняя, личностная свобода составляет предмет нашего анализа. (Все три приведенных термина я использую как синонимы, отдавая предпочтение какому-либо из них исключительно из стилистических соображений.)

Сегодня социально необходимо широкое распространение психологических качеств, характерных для свободной личности, – таких, как инициативность, склонность к творчеству и вместе с тем ответственное отношение к окружающей действительности и своим поступкам. Но овладение внутренней свободой существенно отстает в современном мире от достижений (также отнюдь не носящих всеобщего характера) в обеспечении свободы внешней. По словам Фромма, "мы зачарованы ростом свободы от сил, внешних по отношению к нам, и, как слепые, не видим тех внутренних препон, принуждений и страхов, которые готовы лишить всякого смысла все победы, одержанные свободой над традиционными ее врагами" [47, с. 95–96].

Рассматриваемое противоречие проявляется особенно остро в странах, недавно освободившихся от тоталитарных режимов. Если судьба тоталитарной системы в СССР была, по большому счету, предрешена очередным витком научно-технического

прогресса, нуждающегося в свободе личности (см. об этом у Н.Н. Моисеева [29]), то глубина системного кризиса, охватившего постсоветское пространство, во многом определяется тем, что не весь объем внезапно обретенной внешней свободы человек может личностно освоить [20, с. 49]. К тому же в овладении личностной свободой жителям этого пространства препятствует не только психологическое наследие коммунистического прошлого, но и слабая представленность народов в более длительном историческом опыте свободы, сопряженной с ответственностью. Предпочтение отдается поэтому свободе как "воле". Вспоминая в этой связи пушкинские слова "На свете счастья нет, а есть покой и воля...", М. Харитонов замечает: "...Воля – отнюдь не свобода (в конечном счете, мучительная), а скорее освобождение от необходимости выбирать, решать, бороться: тот же покой" [48, с. 52].

Иное дело – подлинная личностная свобода. Как пишет В. Франкл, "быть свободным – это только негативный аспект целостного феномена, позитивный аспект которого – быть ответственным. Свобода может вырождаться в простой произвол, если она не проживается с точки зрения ответственности [46, с. 88]. В связи с этим овладеть подлинной личностной свободой и нести ее бремя оказывается совсем нелегко, в особенности тем, кто не привык самостоятельно принимать решения и в полной мере отвечать за их последствия.

Учитывая сказанное, нельзя не признать обоснованным "выдвижение на первый план в воспитании внутренней свободы личности" [14, с. 10–11]. Однако, чтобы это требование было не просто привлекательным лозунгом, а ориентиром, реально помогающим в педагогической деятельности, надо прежде всего знать, в чем состоит содержание свободы.

1. СУЩНОСТЬ ЛИЧНОСТНОЙ СВОБОДЫ

Обращаясь к анализу категории свободы в литературе, в первую очередь философской, мы наталкиваемся на немалые трудности, связанные с преобладанием абстрактно-нормативного подхода к проблеме свободы. Согласно Сартру, например, человек "осужден быть свободным" [59, с. 639]. Придерживаясь того же подхода, В. Буковский говорит: "...В конечном итоге все зависит от нас самих, ибо человек всегда свободен, всегда есть у него выбор и, стало быть, всегда несет он ответственность за происходящее" [12, с. 170]. У Буковского за этими словами – опыт самоотверженной борьбы с тоталитарным режимом. Но в какой мере они применимы к обычному человеку? Приходится признать: при всей этической привлекательности и культурной значимости обсуждаемого подхода, он обладает тем недостатком, что отвлекается от факторов, позволяющих конкретному индивиду проявить психологическую свободу как свое сущностное качество.

Между тем надо различать "сущностную возможность бытия индивида" и проявление этой сущности в "конкретном индивидуальном бытии" [28, с. 5]. В своей сущности человек свободен, но для конкретного индивида эта сущностная реальность выступает, по словам Франкла, только как потенциальная возможность". Он не является еще таким, каков он есть (в своей человеческой сущности. – Г.Б.), таким он лишь должен стать [46, с. 204]. Остается выяснить, что для этого необходимо.

Раскрытию содержания личностной свободы препятствует также влияние устаревших узких трактовок категории свободы, адекватных только в определенных теоретических контекстах и практических ситуациях. Прежде всего мы имеем здесь в виду хорошо известную (по трудам Спинозы, Гегеля, Энгельса и др.) интерпретацию свободы как познанной, осознанной необходимости. Следует признать полезную роль этой интерпретации в контексте полемики с индетерминизмом и в связи с утверждением необходимости познания объективных закономерностей бытия. Но, как отмечает Л.М. Гутнер, рассматриваемая интерпретация абсолютизирует гносеологический аспект проблемы и игнорирует ее праксеологический аспект (цит. по [18, с. 118]). Поэтому она не может быть признана основополагающей, как это наблюдалось в

СССР (не говоря уже о циничном, проникнутом псевдодиалектической демагогией применении ее ради оправдания подавления свободы властями).

Образно говоря, познание необходимости – это, хотя и заметная, но только одна грань свободы. Во-первых, действующей личности требуются знания не только о закономерностях, которые обязательно, необходимо выполняются, но и о возможных вариантах развития событий. Учет этих вариантов позволяет спланировать и осуществить действие, которое поможет реализовать наиболее желательный из них, и тем самым по-настоящему проявить свою свободу. Во-вторых, все требуемые знания, как бы они ни были важны, представляют собой только одну из предпосылок свободного действия.

Впрочем, существуют крайние, предельные по своему трагизму ситуации, когда возможности практического воздействия личности на протекание событий исчерпаны, так что ее свобода может проявиться только в осознании и достойном принятии неизбежного. Но это как раз то исключение, которое наглядно демонстрирует неправомерность сведения свободы – в общем случае – к осознанной необходимости.

Правда, иногда трактуя свободу как осознанную необходимость, имеют в виду необходимость не внешнюю, а внутреннюю: выполнение сознательно взятого на себя личностью долга (в частности, "долга перед высшими ценностями" [5, с. 172]). Однако, во-первых, и здесь только в особых (иногда трагических) ситуациях такая необходимость предполагает осуществление четко определенного действия. Во-вторых, выполнение долга как поступок внутренне свободной и вместе с тем ответственной личности следует отличать от выполнения, обусловленного конформизмом, подчинением внушению или моральному давлению, боязнью наказания или осуждения и т.д.

При всей ясности принципиальных оснований этого различия, его проведение применительно к конкретным ситуациям требует весьма тонкого анализа. Здесь можно сослаться на проводимое Фроммом разграничение "истинной совести", следуя велениям которой личность утверждает себя, и совести как "надсмотрщика, приставленного к человеку им самим", но фактически обеспечивающего "интериоризацию внешних социальных требований" [47, с. 89].

Характерное для интерпретации свободы как осознанной необходимости пренебрежение прагматической, действенной ее стороной, преодолевается в ее трактовке как *свободы выбора*. При этом имеют в виду и внешнюю свободу (предоставление человеку возможности выбора), и внутреннюю, личностную (его способность осуществить этот выбор).

Очень многие авторы, говоря о "свободе выбора", фактически отождествляют таковую со свободой действия вообще, и при этом часто остается неясным; действительно ли имеется в виду выбор из конкретных альтернатив или слово "выбор" употреблено в расширительном смысле, т.е. по сути неадекватно. Ясно, что такая терминологическая нечеткость мешает серьезному анализу.

Вместе с тем ряд философов справедливо обращает внимание на то, что "подлинная свобода отнюдь не тождественна и не сводима к свободе выбора" [34, с. 46], что "выбор – только момент свободы" [27, с. 46] и что экзистенциальная свобода – это свобода не только выбора, но и творчества [49].

Для выяснения сферы адекватности интерпретации свободы как свободы выбора можно воспользоваться способом анализа, аналогичным тому, который был применен выше в отношении предыдущей трактовки свободы. Спору нет, ситуации, в которых личность должна сделать выбор между имеющимися альтернативами, поскольку отсутствуют объективные возможности выхода за их пределы, играют важную роль. В подобных ситуациях, действительно, свобода личности находит выражение в обоснованности и решительности осуществляемого ею выбора¹.

Возможность проявления свободы в ситуации выбора зависит от характеристик

¹ Эти качества могут совершенствоваться и в ходе целенаправленного формирования выбора как особого вида деятельности [25].

этой ситуации, в частности, от числа альтернатив и того, насколько они разнятся между собой. По мнению Т.И. Ойзермана, "действительная свобода предполагает значительные различия между объектами, задачами, решениями, из которых предстоит сделать нередко единственный и необратимый выбор" [32, с. 155]. Признавая важность этих характеристик, следует вместе с тем не упускать из виду принципиальное положение: ограничение альтернатив фиксированным набором – это, в зависимости от источника ограничения, либо насилие над духом (пусть вынужденное), либо проявление его собственной слабости.

Психологические исследования (см., например, [11]) подтвердили, что выбор из фиксированного множества альтернатив – это лишь частный момент в процессе мышления (в отличие от роли такого выбора в ряде кибернетических моделей интеллектуальной деятельности). И даже если решаемая задача в самой своей постановке предполагает такой выбор, – ее решение строится, как правило, не путем последовательного перебора и оценки альтернатив: "напротив, ...сначала испытуемый оперирует с элементом как уже обладающим некоторыми свойствами и лишь затем осуществляет проигрывание возможного преобразования ситуации..., обеспечивающего ему эти свойства (метод антиципаций)" [45, с. 55]. Аналогичные феномены имеют место при решении нравственных задач. Как отмечает К.А. Абульханова-Славская, нравственный выбор совершается не из наличных равновеликих альтернатив, а чаще всего состоит из создания новых смысловых отношений, которые радикально преобразуют ситуацию в целом [1, с. 28].

Приведенные констатации отражают существенную роль творческих черт во всей человеческой деятельности. Что же касается общественно значимого творчества в любой сфере (научно-технической, художественной, социальной), то выход за пределы известных альтернатив служит ее определяющей характеристикой.

Рассматривая проблему в культурологическом плане, следует признать важность выбора как одной из культурных парадигм человеческой деятельности и одновременно указать на опасности, сопряженные с абсолютизацией этой парадигмы. Тенденция к такой абсолютизации достигла максимума в период расцвета тоталитаризма во второй четверти XX века, но остается достаточно сильной и сегодня. Вместе с тем ныне действуют мощные тенденции, направленные и на преодоление этой абсолютизации. По словам В.С. Библера, «в XX веке даже ценностные и духовные спектры разных форм культуры... стягиваются в одном культурном пространстве, в одном сознании и мышлении, требуют от человека не однозначного выбора, но постоянного духовного сопряжения, взаимоперехода, глубинного спора в средоточии неких непреходящих точек удивления и "вечных вопросов бытия"» [50, с. 7]. А. Маслоу усматривал "хороший и практичный исходный пункт для обучения гуманности" в том, "чтобы перестать мыслить дихотомически, а вместо этого мыслить интегративно" [55, с. 163].

Как преодолеть ограничения, присущие рассмотренным узким интерпретациям свободы? Здесь можно опереться, в частности, на уже упоминавшуюся связь категорий свободы и творчества. На важности этой связи настаивал Н.А. Бердяев. "Свобода, – писал он, – есть творческая энергия, возможность создания нового" [8, с. 122]; "освобождение человека – не только *от* чего-то, но и *для* чего-то. И вот это *для* и есть творчество человека" [8, с. 134]. Разумеется, и "свободу *от*" можно трактовать как свободу от ограничений (внешних и внутренних), мешающих человеку проявить свою творческую сущность.

И все же было бы неверным отождествлять психологическую свободу и способствовать к творчеству. Ведь внутренняя свобода личности проявляется, скажем, и в отстаивании ею, вопреки трудностям, своей нравственной позиции, даже если эта позиция заранее известна, т.е. когда говорить о творчестве вряд ли уместно.

В творчестве находит выражение, прежде всего, информационный аспект личностной свободы. Но есть еще аспект энергетический, силовой, волевой. Его выдвигал на первый план И.А. Ильин. "Освободить себя, – писал он, – значит, прежде всего,

собрать свою силу, чтобы быть сильнее любого влечения своего, любой прихоти, любого желания, любого соблазна, любого греха" [17, с. 169].

Приведу еще характеристику свободы (внешней), данную Н.И. Лапиным. Это, по его словам, "высшая ценность человеческой жизни", воплощающая "такие общественные, социокультурные отношения между индивидами, которые открывают простор способностям индивидов преодолевать отчужденные формы их деятельности и иные ограничения существующей культуры и социальных отношений, творить новое, участвовать в инновационных процессах" [22, с. 30]. Показательно, что здесь упомянуты как "преодоление", так и "творение".

С учетом всего вышесказанного, можно предложить такую формулировку: свобода, в самом общем смысле, – это совокупность условий (или внешних, или – если идет речь о психологической свободе – внутренних), способствующих гармоничному разворачиванию и проявлению разносторонних возможностей личности (в частности, путем устранения препятствий для этого)².

Это определение нуждается в некоторых комментариях. Во-первых, представляется естественным дополнить понятие свободы его отрицательным двойником – несвободой, которая также может быть как внешней, так и внутренней. Несвободу можно определить как совокупность условий, препятствующих разворачиванию и проявлению упомянутых возможностей. Во-вторых, степень указанного способствования или препятствования может быть различна. Соответственно, можно говорить о большем или меньшем уровне свободы (внешней или внутренней) – равно как и несвободы. В-третьих, свобода (так же как и несвобода) может рассматриваться либо как преходящее состояние системы, о которой идет речь (макро- или микросоциальной среды в случае внешней свободы; личности – в случае внутренней), либо как устойчивое свойство (качество) соответствующей системы³.

Впрочем, последние формулировки верны только в первом приближении. Точнее можно сказать так: внешняя свобода – это свойство среды, рассматриваемое по отношению к личностям, характеристики которых находятся в определенном диапазоне. (Например, нынешнее общество развитых индустриальных стран отнюдь не является свободным по отношению к представителям маргинальных групп – не говоря уже о племенах, не приспособившихся к современной цивилизации). Внутренняя же свобода представляет собой свойство личности, рассматриваемое по отношению к макро- и микросоциальным средам, характеристики которых находятся в определенных пределах. В частности, требованиям, которым должна соответствовать желающая сохранить внутреннюю свободу личность, оказываются в условиях демократического и тоталитарного общества не идентичными. Сказанное не исключает относительной независимости от изменяющихся внешних условий сформировавшейся внутренней свободы как качества личности.

В-четвертых, психологическую свободу как объективно фиксируемое состояние или качество личности следует отличать от субъективного чувства свободы ("свободы как духовного состояния, самоощущения человека" [20, с. 48–49]: см. также [56]). Рассматриваемые феномены, разумеется, взаимосвязаны, но эта связь отнюдь не однозначна (когда пьяному "море по колено", то это пусть иллюзорное, но чувство свободы). В-пятых, как поступать в ситуации, когда упомянутые в вышеприведенном определении "разносторонние возможности личности" могут обладать не только положительным, но и отрицательным нравственным и социальным зарядом? С одной стороны, всякой свободой, в том числе и внутренней, можно злоупотреблять. Поэтому следует стремиться (прежде всего, педагогам) к развитию психологической свободы в комплексе с ответственностью и нравственностью. Но, с другой стороны, тенденция к такого рода злоупотреблениям сопряжена с дисгармониями в функционировании и

² Ср. концепцию образования как расширения возможностей развития личности [5].

³ Л.И. Дементий проводит аналогичное разграничение в отношении ответственности: последняя может выступать как особенность организации данной деятельности (или особенность поведения личности) и как постоянное свойство личности [15, с. 205].

развитии личности (вспомним хотя бы характеристику А.Ф. Лазурским [21] извращенных типов личности), а значит, с искажением содержания психологической свободы, как мы ее трактуем. Напротив, становление такой свободы как устойчивого качества личности препятствует возникновению дистармоний, обуславливающих деформации сознания и отрицательные поведенческие проявления.

Понятие о личности, обладающей указанным качеством, оказывается близким к понятиям самоактуализирующейся, по А. Маслоу [55], и полностью функционирующей личности, по К. Роджерсу [57]. В работах этих ученых (как и других представителей гуманистической психологии) описываются (на основе иногда специальных эмпирических исследований, иногда неорганизованных наблюдений и интуитивных впечатлений) многие черты личностей, о которых идет речь. Недостаёт, однако, четкой классификации этих черт, их представления как компонентов некоторой системы.

В решении этой задачи имеет смысл опереться на анализ С.Л. Рубинштейном категории свободы, конкретнее говоря – на выделение им трех аспектов свободы как а) самоопределения – роли внутреннего в детерминации поведения на разных уровнях; б) свободы человека в общественной жизни...; в) свободы в Спинозовском смысле (контроля сознания над стихией собственных влечений) [39, с. 360].

2. ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ ЛИЧНОСТНОЙ СВОБОДЫ

Раскрытие первого из указанных аспектов выводит на категорию *активности субъекта* (можно сказать и так: на категорию субъекта как носителя активности). Ведь активность, в самом общем смысле, можно определить как функционирование, детерминируемое в первую очередь внутренними факторами. Соответственно, личностная свобода выступает как "специфическая форма активности" [24, с. 34].

В психологии рассматриваются разные качественные уровни активности, в том числе относительно низкий, общий для животных и человека (активность, управляемая неосознаваемыми побуждениями), и последующий (активность, управляемая осознаваемой целью, указанной субъекту извне или фиксирующей такое состояние объекта деятельности, которое очевидным образом удовлетворяет наличную потребность субъекта). Личностную свободу имеет смысл связывать с еще более высокими уровнями активности, где упомянутая роль внутренних факторов в детерминации поведения проявляется наиболее отчетливо⁴. Ниже указываются (с опорой на опыт психологических исследований) некоторые важнейшие направления такой активности.

Выявляя сравнительную роль субъекта и влияний социальной среды (в частности, социокультурных норм) в детерминации основных компонентов его деятельности и абстрагируясь при этом от содержания ее объекта, можно, в частности, выделить:

- *сверхнормативную* активность [35], отличающуюся превышением, обогащением и/или обобщением поставленных извне требований к выполняемой им деятельности;
- *инициативную* активность, проявляющуюся в инициации и развертывании той или иной деятельности без сколько-нибудь сильного побуждения к этому извне;
- *волевою* активность, обеспечивающую мобилизацию ресурсов индивида на преодоление осознаваемых им объективных и субъективных препятствий на пути осуществляемой им деятельности;
- *творческую* активность, проявляющуюся в решении задач (в широком смысле этого термина), для которых ни способ решения, ни возможные результаты заранее субъекту не известны;
- *надситуативную* активность, т.е. выход за рамки ситуации подразумеваемой ор-

⁴ Немалый интерес представляет анализ исторического развития высших уровней субъективной активности [44].

ганизатором деятельности, которая задается социокультурной нормой или соответствует прежнему опыту самого субъекта⁵.

Перечисленные направления активности могут различным образом сочетаться между собой. Так, например, для творческих личностей характерно соединение инициативной и творческой активности [10]. А вот как описывает Дж. Гаррисон, в связи с проблемой психологической свободы, сочетание творческой и волевой активности (а также их эмоциональное обеспечение): "Чтобы быть свободными в наиболее глубоком смысле, мы должны желать объекты, которые мы воображаем, достаточно страстно, чтобы непоколебимо добиваться возможного, преодолевать сопротивление реального и, если удастся, воплощать в действительность объекты нашего воображения" [54, с. 200].

Анализируя активность субъекта, можно ориентироваться также на содержательные характеристики его деятельности, важнейшей из которых является ее направленность на изменение или сохранение тех или иных социально значимых отношений. Соответственно, одним из основных направлений реализации психологической свободы (сплошь и рядом сочетающимся с направлениями, описанными выше) является *социальная активность*, состоящая в сознательном осуществлении социально значимых действий (*поступков*), включая принятие на себя ответственности за них. Такая активность может проявляться и в воздержании от действия (которого, например, ждут от данного человека), что, как отмечал С.Л. Рубинштейн, "само может быть поступком с значительным резонансом" [38, с. 537]. При этом, однако, надо иметь в виду, что, с точки зрения психологической теории действий [6, 13] подобный поступок также является действием, реализуемым, однако, без исполнительных операций.

Понятие "социальная значимость" трактуется при определении поступка весьма широко и охватывает влияние действующего субъекта не только на макро- и микросоциальную среду, но и на самого себя как личность. Справедливо отмечается, что "существуют поступки, которые вообще могут не проявлять себя вовне, например, когда вследствие напряженной внутренней борьбы с самим собой индивид кардинально изменяет свою жизненную позицию, отношение к себе или к окружающим, к делу, казавшемуся самым главным в жизни, и т.д." [43, с. 410].

В поступках, обращенных личностью на самое себя (в том числе тех, которые посредством ее самоизменения обеспечивают микро- и макросоциальные эффекты), находит выражение активность *самоуправления*, обозначаемая так же, как "субъектная активность" (в узком смысле). Закономерно, что высокая степень такой активности обеспечивает высший уровень социальности индивида [7, с. 37].

Состоящая из поступков социальная активность (включая активность самоуправления как ее разновидность и составляющую) выступает основным содержанием функционирования личности как таковой и основным механизмом ее развития; личность "как бы лепится из опыта поступков" [16, с. 49].

Остановлюсь несколько детальнее на активности самоуправления. Она проявляется в способности субъекта сознательно управлять своими возможностями (ресурсами) – каково бы ни было соотношение природных и социокультурных факторов в их формировании, – а также регулировать степень внешних влияний на свое бытие [33, 39, 60]. Д. Шульц [59], проанализировав целый ряд существующих в психологии концепций здоровой личности, констатирует: при многих расхождениях между ними, все они согласны в том, что такая личность сознательно контролирует свою жизнь.

⁵ Согласно В.А. Петровскому, «понятие "ситуация" описывает не только окружение, но и состояния самого субъекта, сложившиеся в предшествующий момент времени и "перешедшие" из прошлого в настоящее» [36, с. 88]. Кстати говоря, существование надситуативной активности (так же, как и творческой) не дает оснований для индетерминистических выводов (о чем пишет и В.А. Петровский). В действительности, не срабатывает привычная или прежняя детерминация: субъект ориентируется на иное структурирование мира, чем то, каким руководствуется кто-то другой, или какого он сам придерживался раньше.

Данное направление активности сочетается большей частью с субъективным чувством свободы, внутренним локусом контроля, оптимизмом и верой в свою способность осуществить жизненные планы. Названные черты вовсе не исключают, в частности при попадании в критические ситуации, объективности и углубленной рефлексии, необходимых для решения жизненных задач. Важной стороной активности самоуправления является построение и реализация жизненных стратегий, организация своего жизненного пути, сознательное саморазвитие [2]. Активность ориентированного на личностное развитие самоуправления поддерживает незавершенность психологической организации личности как предпосылку этого развития [2], и в то же время содействует преодолению возникающих дисгармоний. Здесь следует учитывать, что гармоничность – не синоним многосторонности, а прежде всего согласованность компонентов, открытость противоречий для разрешения, обеспечивающего прогресс⁶.

Итак, мы рассмотрели выделенный С.Л. Рубинштейном аспект "а" свободы. Теперь, отталкиваясь от указанного им аспекта "в" и вместе с тем стремясь расширить ракурс анализа, продолжим описание индивидуально-психологических характеристик личностной свободы, связывая их, однако, уже не с направлениями активности, а со *структурой личности*. Правда, провести четкую границу здесь невозможно: упоминая выше о незавершенности психологической организации личности и о преодолении дисгармонии, я фактически касался этой структуры. Теперь будем исходить из наличия в ней двух сторон:

1) *потребностно-мотивационной*, охватывающей существенные для данной личности ценности, цели и смыслы, определяющие направленность ее деятельности;

2) *инструментальной*, в состав которой входят средства реализации этой направленности, в том числе физические, эмоциональные, волевые качества, стиль поведения, способности⁷, знания, способы действий (сформированные на уровне умений или навыков), стратегии поведения⁸.

Указанные стороны могут быть выделены в структуре любой личности. Главная, пожалуй, *особенность психологически свободной личности состоит в сознательном использовании ею собственных инструментальных (физических и психических) свойств для реализации своей направленности, а также в преодолении и изменении тех из них, которые такой реализации мешают* (речь идет, по существу, о том же, что было описано выше как активность самоуправления).

"Я связан с обстоятельствами, – пишет В. Франкл, – не просто как биологический тип или психологический характер. Ведь типом или характером я лишь обладаю; то же, что я есть, – это личность" [46, с. 112]. Личностное бытие, считает Франкл, включает в себя "свободу стать иным" [там же]; "истинно человеческое начинается в человеке там, где он обретает свободу противостоять зависимости от собственного типа" [46, с. 201].

А вот как образно писал на эту тему И.А. Ильин: "Освободить себя... значит стать господином своих страстей. Господин своих страстей не тот, кто их успешно обуздывает, так что они всю жизнь бушуют в нем, а он занят тем, чтобы не дать им хода, но тот, кто их духовно облагородил и преобразил. Свобода от страстей состоит не в том, что человек заглушил их в себе, а сам предался бесстрастному равнодушию (так думали стоики); но в том, что страсти человека сами, добровольно и целостно,

⁶ В отличие от стагнационных и регрессивных вариантов. Последние находят выражение, например, в психологических защитах, отбрасывающих те знания и стратегии поведения, которые способствовали бы реальному преодолению трудностей.

⁷ Ср. отнесение А.Г. Асмоловым характера и способностей "к инструментальным проявлениям индивидуальности как субъекта деятельности" [4, с. 336].

⁸ Эти образования определяют "генеральную программу действий" [30, с. 34]. Будучи менее четкими, но более гибкими, чем способы действий, они весьма важны для деятельности в новых, нестандартных ситуациях.

служат духу и несут его к цели, подобно серому волку, преданно везущему на себе Ивана Царевича в тридешатое царство" [17, с. 170].

Обратимся теперь к характерным для свободной личности (можно сказать и так: для личностной свободы как комплексного качества) особенностям каждой из двух выделенных сторон. Опираясь, в частности, на концепции А. Маслоу и В. Франкла, отмечу такие потребностно-мотивационные черты внутренне свободной личности:

- доминирующую роль потребности в самоактуализации, наличие "дела жизни", которому предан человек и о котором заботится больше, чем о защите своего Я. Здесь уместно вспомнить требование К.С. Станиславского любить искусство в себе, а не себя в искусстве. Впрочем, на высоком уровне развития личности традиционные дихотомии преодолеваются. "Если вы, – писал Маслоу, – заняты делом, которое любите, и преданы ценностям, которые считаете высшими, то вы эгоистичны, насколько это возможно, и в то же время бескорыстны и альтруистичны" [55, с. 194];

- ведущую роль высших бытийных ценностей (добра, истины, справедливости, красоты и т.п.) в той их системе, которой руководствуется личность. Индивидуальный вариант смысла жизни находит при этом свое место в иерархизированном ценностном пространстве.

Обращаясь теперь к инструментальной стороне личностной свободы, укажу такие моменты:

- важное место, которое в рассматриваемом "инструментарии" занимают "умения саморегуляции деятельности" [33, с. 18]. Эти умения в большой мере основываются на рефлексивных механизмах мышления [40];

- предпочтение, отдаваемое не знаниям самим по себе, а *компетентности*. Это понятие, все шире применяемое в педагогике, менеджменте и т.п., характеризуется как "атрибут личностного уровня" [41, с. 35] и отражает способность личности справляться с задачами, существенными для той или иной сферы ее деятельности или, шире, бытия. В частности, можно говорить о компетентном выборе (правильнее – проектировании) своего жизненного, в том числе профессионального, пути⁹. Едва ли не наиболее важной составляющей компетентности в любой сфере (тем более, в наше динамичное время) является способность приобретать новые знания и умения. Образованным, писал К. Роджерс, можно считать только того, "кто научился учиться, научился приспосабливаться и изменяться, понял, что никакое знание не является надежным и только процесс поиска знания дает основание для надежности" [58, с. 120];

- реалистическое и непредвзятое восприятие мира, открытость новому опыту и направленность на поиск истины, способность учитывать разные точки зрения, расширять благодаря этому свое видение проблем и, при наличии достаточных оснований, изменять свои взгляды. Эти качества здоровых, хорошо развитых личностей отмечали Г. Олпорт [52], А. Маслоу, К. Роджерс и др. Сказанное не означает, однако, отсутствия собственной позиции. Наибольшие шансы достичь психологического здоровья, считает Д. Шульц, у того, "кто достаточно свободен (чье Я достаточно надежно), чтобы экспериментировать с различными предписаниями и видеть, какие из них подтверждают свою валидность в лаборатории повседневной жизни. Другие могут предложить курс следования, но только ты сам можешь сказать, насколько он хорош в действии" [60, с. 146];

- характеристические качества, способствующие самореализации личности (как отметил Т.И. Ойзерман, "талант – это прежде всего большой характер, препятствующий человеку проматывать свое духовное богатство" [32, с. 156]). С одной стороны, здесь имеются в виду качества, которые, выражая собой целостность и гармоничность личности, препятствуют растрачиванию энергии на внутренние конфликты. Идет речь, в частности, о таких (отмечавшихся Г. Олпортом и А. Маслоу)

⁹ Это предполагает, помимо прочего, достаточное знание самого себя. Согласно концепции Р. Мэя, "люди свободны только в той мере, в какой они соотносятся со своей судьбой – той частью жизни и самих себя, которая почти или совсем неподконтрольна им" [53, с. 14].

свойствах, как непринужденность поведения, положительный образ Я, способность ощущать радость и наслаждение под воздействием простейших повседневных впечатлений, положительное или хотя бы спокойное (в противовес невротическому страху) отношение к неожиданному, неизвестному, таинственному, чувство юмора и способность обращать его на самого себя, что спасает от зазнайства. С другой стороны, речь идет о мужестве, настойчивости и иных качествах, связанных прежде всего с волевой активностью и позволяющих преодолевать внешние и внутренние препятствия, встающие на пути утверждения избранных личностью ценностей, реализации ее целей и жизненных стратегий.

Заметим в этой связи следующее. Хотя последнее требование универсально (если уж идет речь о свободной личности), его конкретное наполнение существенно зависит от социальных условий. Неудивительно, что при тоталитарном режиме реализации личностной свободы оказывается ограниченной и деформированной даже у многих незаурядных людей. С едким сарказмом откликнулся в свое время А.И. Солженицын на высказанное одним из авторов самиздата мнение о том, что освобождение мысли от господствовавшей тогда идеологии дает "внутреннюю свободу". "... Если, – писал Солженицын, – шиш, показываемый тайно в кармане, есть внутренняя свобода, – что же тогда внутреннее рабство? Мы бы все-таки назвали внутренней свободой способность и мыслить и действовать, не завися от внешних пут..." [42, с. 36].

Мы должны признать обоснованность позиции Солженицына: системная реализация внутренней свободы должна охватывать и мышление, и поступки личности¹⁰. Вспоминая "людей, сумевших победить страх (силу выживания) и освободивших себя" (таких, как Василь Стус и Анатолий Марченко), С. Лезов констатирует, что только после прохождения этого порога для них открывалась "реальная возможность выбора позиций, подлинный плюрализм, настоящая жизнь" [23, с. 73].

Все так. И вместе с тем надо видеть ограниченность максималистского подхода. Он игнорирует тот факт, что уже освобождение мысли было шагом к личностной свободе – шагом, отнюдь не легким в условиях давления тоталитарной идеологии.

Обретение личностной свободы всегда сопряжено с преодолением немалых трудностей. Но если они приближаются к запредельным, это свидетельствует о серьезном неблагополучии в обществе.

3. СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ ЛИЧНОСТНОЙ СВОБОДЫ

Мы незаметно перешли к отмеченному С.Л. Рубинштейном аспекту "б" свободы – "свободе человека в общественной жизни". Поскольку нас интересует внутренняя, личностная свобода, то в данной связи уместно рассмотреть ее социально-психологические составляющие¹¹.

– диалектическое единство автономии личности и ее вхождения в некоторую общность. Ясно, что личностная свобода несовместима с подчинением внешнему диктату или конформизмом самого индивида; вместе с тем она "не отвергает мои связи с другими, а, наоборот, необходимо их предполагает" (В.А. Лекторский по [37, с. 40]). Согласно А. Маслоу, повышенный уровень самодостаточности сочетается у высоко-развитых личностей со способностью к более глубокой духовной связи с другими людьми. Здесь требуется уточнить отношение к понятию коллективизма, которое раньше превозносили, а ныне склонны третировать в полном соответствии с советской традицией перегибов. Между тем, необходимо различать насильственно насаждаемый коллективизм, подавляющий индивидуальность и не дающий ей развернуться, и коллективизм как установку развитых (или успешно развивающихся) личностей,

¹⁰ "Свобода, – считал В.В. Розанов, – есть внешняя деятельность, соответствующая внутренней, и она является осуществленною вполне, когда первая без остатка есть следствие второй" (цит. по [31, с. 169]).

¹¹ Их отделение от индивидуально-психологических является несколько условным. Речь идет о качествах личности, в наибольшей мере касающихся ее взаимодействия с социальным окружением.

сознательно объединяющихся и поддерживающих друг друга ради общего дела, ради утверждения принимаемых ими ценностей;

– одновременную вовлеченность личности в разные общности. Такая вовлеченность достигается благодаря тому, что психологическая среда личности, говоря словами Г.С. Костюка, "расширяется не только территориально, но и во времени и в содержании" [19, с. 122]; при этом обеспечивается органичное сочетание разных масштабов и ракурсов восприятия мира, взаимодействия с ним. Для высокоразвитой свободной личности характерно сочетание заботы о близких людях с готовностью помогать незнакомым и широким (часто планерным) пониманием своей миссии и ответственности. Как писал А. Маслоу, "ваши границы в этом смысле распространяются далеко за пределы вашей личной сферы интересов, с тем, чтобы охватить весь мир. Если несправедливость совершается против кого-либо в Болгарии или Китае, то она совершается и против вас" [55, с. 194–195];

– связанная с уважением к себе готовность уважать других людей, соответствующие особенности общения (отмеченные, в частности, А. Маслоу и К. Роджерсом), в том числе его демократичный стиль; отсутствие снобизма; преимущественная ориентация в установлении и поддержании связей на сущностные личностные качества партнеров (в отличие от поверхностных свойств – таких, как социальное и этническое происхождение, уровень образования, принадлежность к той или иной конфессии); уважение к обычаям и взглядам других людей; активность и отсутствие морализаторства при оказании им помощи;

– диалектическое единство овладения социокультурными нормами и критического отношения к ним, формирования собственных "личностных норм" [9]. Последние, конечно, основываются на социокультурных, но могут существенно от них отличаться. У выдающихся личностей, как писал Ю.М. Лотман, "данные извне нормы становятся творчески преобразованными и свободно избранными" [26, с. 235].

Сказанное касается, в частности, мировоззренческой позиции свободной личности, ее отношения к бытующим в этой области стереотипам. Отказываясь, таким образом, от безоговорочного приобщения к какой-либо из нормативных (по отношению к той или иной части общества) мировоззренческих систем, а также и от выбора между ними (напомню сказанное выше по проблеме выбора), свободная личность стремится вместо этого выработать собственное целостное миропонимание.

... У читателя, интересующегося возможностями педагогического применения излагаемых здесь мыслей, могут возникнуть сомнения: не обернется ли на практике "собственное миропонимание" примитивной мировоззренческой эклектикой? Не лучше ли все же опереться на ту или иную испытанную традицию? В связи с этим поясню: я никак не отрицаю значения традиций, в частности, в воспитании. Из сказанного выше следует, что личностная свобода предполагает овладение социокультурными нормами (к числу которых относятся традиции). Но она противостоит бездумному, слепому подчинению любой норме, любой, пусть даже самой прекрасной традиции. Кроме того, заслуживает предпочтения те традиции (или те их интерпретации), которые не чуждаются плюрализма, и в самом содержании которых в качестве значимой ценности выступает личностная свобода¹².

С педагогической точки зрения личность, обладающую внутренней свободой, можно рассматривать как некоторый идеал. Ввиду этого полезной будет такая аналогия: к идеалу физически крепкого и закаленного человека приближаются, повышая нагрузки на организм постепенно, чтобы не повредить ему. Подобно этому и ориентация педагогов на идеал внутренней свободной личности должна сочетаться с бережным отношением к воспитуемому, с учетом реального уровня их психических сил [2]. Но в обоих случаях требование соблюдения постепенности и осторожности не отменяет ни содержания идеала, ни желательности приближения к нему.

¹² Конфликт разнящихся в этом отношении интерпретаций христианства представлен Ф.М. Достоевским в легенде о Великом инквизиторе [31].

В заключение хотелось бы выразить надежду, что предложенная, пусть весьма несовершенная, попытка систематизировать психологические представления о личностной свободе поможет дальнейшей разработке этой важнейшей проблемы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абульханова-Славская К.А. Типология личности и гуманистический подход / Гуманистические проблемы психологической теории. М., 1995. С. 27–48.
2. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. М., 1991.
3. Анцыферова Л.И. К психологии личности как развивающейся системы / Психология формирования и развития личности. М., 1981. С. 3–19.
4. Асмолов А.Г. Психология личности. М., 1990.
5. Асмолов А.Г., Ягодин Г.А. Образование как расширение возможностей развития личности (от диагностики отбора – к диагностике развития) // Вопр. психологии. 1992. № 1–2. С. 6–13.
6. Балл Г.А. Теория учебных задач. М., 1990.
7. Белицкая Г.Э. Социальная компетентность личности / Субъект и социальная компетентность личности. М., 1995. С. 24–108.
8. Бердяев Н.А. О назначении человека. М., 1993.
9. Бобнева М.И. Социальные нормы и регуляция поведения. М., 1978.
10. Богоявленская Д.Б. Интеллектуальная активность как проблема творчества. Ростов-на-Дону, 1983.
11. Брушлинский А.В. Мышление как прогнозирование. М., 1979.
12. Буковский В. И возвращается ветер... // Театр. 1990. № 2. С. 169–190.
13. Гальперин П.Я. Психология мышления и учение о поэтапном формировании умственных действий / Исследования мышления в советской психологии. М., 1966. С. 236–277.
14. Давыдов В.В. Воспитание молодежи в новых социально-экономических условиях // Советская педагогика. 1991. № 7. С. 3–14.
15. Дементий Л.И. Типология ответственности личности / Гуманистические проблемы психологической теории. М., 1995. С. 204–213.
16. Зинченко В.П. Проблема психологии развития (читая О. Мандельштама) // Вопр. психологии. 1992. № 5–6. С. 44–53.
17. Ильин И.А. Путь к очевидности. М., 1993.
18. Казан М.С., Мальский И.С. Обсуждение проблемы свободы на философском семинаре // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Сер. 6. 1993. Вып. 1. С. 116–121.
19. Костюк Г.С. Навчально-виховний процес і психічний розвиток особистості. Київ, 1989.
20. Ксенофонов В.И. Духовность как экзистенциальная проблема // Философские науки. 1991. № 12. С. 41–52.
21. Лазурский А.Ф. Классификация личностей. Л., 1925.
22. Липин Н.И. Кризис отчужденного бытия и проблема социокультурной реформации // Вопр. философии. 1992. № 12. С. 29–41.
23. Лезов С. Освобождение или выживание // Искусство кино. 1991. № 1. С. 71–80.
24. Леонтьев Д.А. Очерк психологии личности. М., 1993.
25. Леонтьев Д.А., Пилипко Н.В. Выбор как деятельность; личностные детерминанты и возможности формирования // Вопр. психологии. 1995. № 1. С. 97–110.
26. Лотман Ю. Биография – живое лицо // Новый мир. – 1985. № 2. С. 228–236.
27. Малеев К. Необхідність свободи // Філософські студії. 1993. № 1. С. 44–62.
28. Маноха И.П. Человек и потенциал его бытия. Киев, 1995.
29. Моисеев Н.Н. Россия с тревогой и надеждой // Свободная мысль. 1992. № 3. С. 3–11.
30. Моляко В.А. Психология творческой деятельности. Киев, 1978.
31. О Великом инквизиторе: Достоевский и последующие / Сост. Ю. Селиверстов. М., 1992.
32. Ойзерман Т.И. Мысли, афоризмы // Вопр. философии. 1990. № 10. С. 152–157.
33. Осницкий А.К. Проблемы исследования субъектной активности // Вопр. психологии. 1996. № 1. С. 5–19.
34. Павленко А.Н. Бытие у своего порога. Предвыбор // Человек. 1993. № 4. С. 46–60.
35. Петровский А.В. Личность. Деятельность. Коллектив. М., 1982.

36. *Петровский В.А.* Личность в психологии: парадигма субъективности. Ростов-на-Дону, 1996.
37. Проблемы целостного мира // *Вопр. философии.* 1990. № 12. С. 32–43.
38. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. М., 1946.
39. *Рубинштейн С.Л.* Проблемы общей психологии. М., 1973.
40. *Семенов И.Н., Степанов С.Ю.* Рефлексивная психология и педагогика творческого мышления. Запорожье, 1992.
41. *Семиченко В.А.* Використання психології в навчально-виховному процесі вищої школи // *Педагогіка і психологія.* 1996. № 3. С. 33–43.
42. *Солженицын А.* Образованщина // *Новый мир.* 1991. № 5. С. 28–46.
43. *Татенко В.О.* Вчинок в онтологічному вимірі. Основи психології / За загал. ред. О.В. Киричука, В.А. Роменця. Київ. 1995. С. 402–424.
44. *Титов В.* Етапи розвитку суб'єктності індивіда у контексті європейської культури / *Діалог культур: Україна у світовому контексті.* Львів, 1996. С. 119–122.
45. *Тихомиров О.К.* Психология мышления. М., 1984.
46. *Франкл В.* Человек в поисках смысла. М., 1990.
47. *Фромм Э.* Бегство от свободы. М., 1990.
48. *Харитонов М.* Способ существования: Фрагменты из книги // *Искусство кино.* 1993. № 6. С. 47–56.
49. *Шаповалов В.Ф.* Творчество. Борьба. Духовное одиночество // *Вестник МГУ. Философия.* 1992. № 6. С. 71–78.
50. Школа диалога культур: основы программы / Под общ. ред. В.С. Библера. Кемерово, 1992.
51. *Шпейдер Ю.* Ценности, которые мы выбираем // *Новый мир.* 1994. № 8. С. 172–185.
52. *Allport G.W.* Pattern and growth in personality N.Y., 1961.
53. *de Carvalho R.G.* Rollo R. May (1909–1994): A biographical sketch // *Journal of Humanistic Psychology.* 1996. V. 36. N 2. P. 8–16.
54. *Garrison G.W.* Greene's dialectics of freedom and Dewey's naturalistic existential metaphysics // *Educational Theory.* 1990. V. 40. N 2. P. 193–209.
55. *Maslow A.H.* The farther reaches of human nature. N.Y., 1971.
56. *Nabert G.* L'experience interieure de la liberte. Paris, 1994.
57. *Rogers C.R.* A way of being. Boston, 1980.
58. *Rogers C.* Freedom to learn for the 80's. Columbus etc., 1983.
59. *Sartre J.P.* L'Etre et le Neant. Paris, 1947.
60. *Schultz D.P.* Growth psychology: Models of the healthy personality. N.Y. etc., 1977.